

ХАЙДАР БЕДРЕТДИНОВ

ЗИМА

Вот и снова зима,
Прилетела сама —
Не погонщик ее к нам пригнал.
Хоть шептала ленца,
Что не будет конца
Теплым дням,
Я опять опоздал.

Ни одежд, ни хором
Ни серпом, ни пером
На студеные дни не нажил.
Сколько брошено дел!
Что-то я не успел,
Не к тому приложив много сил.

МАЙЯ САМОХИНА

ГРУСТНОЕ

К лесочку стелется тропинка,
В траву роса успела лечь.
Грустит в дубравушке осинка —
Свидетель наших с милым встреч.

Тогда на все лады впервые
Для нас здесь пели соловьи,
Цвели ромашки полевые.
А мы хмелели от любви.

Снегами отшумели выюги,
Весенний дождь с небес полил.
И на мою беду — подружке
Колечко милый подарил.

Моя красавица-осинка,
Тебе поведаю одной,
Что на губах моих горчинка
Осталась от любви былой.

АЛЕВИНА ТРИШИНА

ПЕРВЫЙ СЧЕТ

Артему Федорову

Снег шел и думал: завтра все проснутся
И будут рады новой близине.
А осень без аннексий, контрибуций
Сдавала территорию зиме.

Постов не выставляла на границе
И уходила тихо, не спеша.
И верила: ей больше не приснится
Последний лист, что падает шурша.

Он до конца остался вместе с нею,
Держась за ветку из последних сил,
Надеялся, что вновь зазеленеет,
Когда взойдет над миром неба синь.

Что обречен, сказать ему не смела
И даже помогла, как могла,
Но защитить от ветра не сумела,
И он упал. Тогда она ушла.

А снег ложился на сухую землю
И скоро вслед за осенью уйдет,
Но перед тем, земным законам внемля,
Он лист последний все же заметет.

Наутро в неизбежном пограничье
Проснутся люди. Ставя на успех,
Делами важными займутся по привычке.
Лишь только мальчик крикнет: «Мама, снег!».

ПРОВИНЦИЯ

Ничто не меняется в нашей провинции.
Все так же метет на исходе зимы.
Безмолвствует плербос, жируют патрициис.
Как прежде, молчат равнодушно умы.

Какую бы песню сложить ни затеяли,
У нас получается только припев.
Средь белого поля, что вновь не засеяли,
Береза стоит, от ветров поседев.

Ей помнится: было то поле весеннее,
Она — на опушке, в зеленом венке.
В России живется почти по Есенину:
Осанна — потерям, и в рай — налегке.

Как лямку бурлацкую, тынет провинция
Безденежье, хвори, усталость и злость,
И верится ей, что уйти в оппозицию
Способна она, чтобы лучше жилось.

Себя обмануть — много ль мудрости надобно!
Без веры, надежды — какая ей жизнь!
Идет, спотыкаясь о снежные надолбы,
Провинция тихо. И шепчет: «Держись...».

«Держись...» — это эхо в безмолвие катится.
«Держись!» — повторяют высокие сини.
Дрожит на морозе в ромашковом платье
Провинция — старшая дочка России.

АНАТОЛИЙ ПРЯДКИН

Каверзный вопрос

Как этот каверзный вопрос
Мозолит мне глаза!
Ну, где он хаос, где хаос,
Кому и как сказать!

Пока крепка земная ось
И держат тормоза,
Вопрос: где хаос, где хаос —
Горячая слеза.

Но не кляни свою судьбу
Ни в шутку, ни всерьез.
Кто знает, в лоб или по лбу
Ударит сей вопрос!

Мое местожительство

Комнатенка восемь метров,
На тюрьму — окно,
Предусмотренное сметой,
Но и в нем темно.

На столе будильник «Слава»
И черновики.
Хлебзавод кирпичный справа —
Всем жильцам с руки.

Комнатенка без ремонта
Вот уж сколько лет,
И живу я в ней без понта,
Да и жил бы впредь...

Мяса нет, сплосные кости!
Что и нужно мне.
И никто не ходит в гости...
Тишина, как на погосте
В полночь при луне.

РАССКАЗ

Сон как явь

СВЕТЛАНА ГОРДИЕНКО-ТЕРНОВА

В большом уютном доме тишина. Вечереет. Из высоких зеркальных окон, которые так облагораживают фасад, виден сад напротив: ряд кустов, которых уже коснулась рука осени, раскинулся вдоль забора; рядом — освещенные лучами заходящего солнца яблоны.

Возле окна, склонившись над листком бумаги, сидит молодая красивая женщина со светлыми волосами. Она то задумчиво глядит на сад, то начинает быстро писать. Потом откладывает перо: «Глаза устали. Надо отдохнуть».

Женщина прилегла на диван и, прикрыв глаза, тут же уснула.

И снится ей сон, что она, пятилетняя девочка с золотистыми кудряшками, играет в саду с соседскими детшками. Слышится звук подъехавшей машины.

— Доченька, беги скорее сюда, посмотри,

кого привезли! — зовет отец.

С куклою в руках девочка, радостно подпрыгивая, спешит к машине. Она знает, что отец обязательно привезет что-нибудь интересное. В этот раз он ездил в тайгу за кедровыми орехами.

— Тигренки?! — слышен удивленный голос мамы.

— Да-да, самый настоящий!
Отец протягивает дочке совсем маленького тигренка, покрытого пылью. От неожиданности она всплескивает руками и роняет свою любимую куклу Льюську. А тигренок в испуге старается уцепиться когтями за борт машины и громко шипит.

Подбежали соседские дети, от их шума и гамы тигренок прижался к ноге отца и пригнулся, глядя на него, как будто хотел сказать: «Я маленький и совсем один. Пожалуйста, не давай меня в обиду».

— Ну вот, Васька, и приехали! — сказал ему отец. Девочка взяла дрожащего тигренка на руки и понесла его на террасу. — Не надо его на террасу! — закричали дети. — Там наши игрушки!

— Тигры не едят игрушек, — умно рассудила маленькая хозяйка.

А новый жилец между тем расхаживал по террасе и все старательно обнюхивал. Попробовал сдернуть ватную куртку, рукав которой свешивался с перил, но шлепнулся вместе с курткой, затих и испуганно оглянулся на людей. Его большие зеленые глаза выражали такую детскую неуверенность, что кто-то из взрослых сказал: «Со всем еще ребенок!».

И, правда, он был еще совсем ребенком: неуклюжий, шупленький и маленький, как котенок.

— Придется его хорошенько покормить, а то как бы не начал кусаться, — подумала малышка. Она

унесла тигренка в свою крохотную комнатку, положила его в кровать и стала напевать колыбельную.

Дети, увидев, что продолжения не будет, ушли, забрав свои игрушки.

А Васька после того, как напился теплого молока из бутылки с соской, окончательно успокоился. Потянувшись на диване с каким-то странным звуком, похожим на громкое мурлыканье, и шевеля ушами, мирно заснул...

Открыв глаза, женщина услышала такое же, как во сне, громкое мурлыканье. Приподнявшись, она увидела растянувшегося на диване кота Ваську. Он так же смешно шевелил ушами и громко мурчал.

«Сон как явь», — подумала женщина. Она еще была пятилетней девочкой с золотыми кудряшками и с куклой Льюской на руках.

